

12+

Дан Берг

Жизнь в раю

Дан Берг
Жизнь в раю

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Берг Д.

Жизнь в раю / Д. Берг — «ЛитРес: Самиздат», 2017

В настоящей повести представлены отдельные фрагменты жизни в раю. Всяк, одолевший настоящую повесть и нацеленный на будущее пребывание в раю, попав на небеса, сможет легко встретиться с персонажами и из первых уст услышать подтверждение истинности рассказа. Более того, если в предварительной беседе с ангелом Михаэлем кандидат сообщит старшему над раем, что потратил несколько часов на прочтение сей повести, то это признание послужит ему доброй рекомендацией.

Интродукция

В настоящей повести представлены отдельные фрагменты жизни в раю. Важно заметить, что высоко ценимые на земле атрибуты материальных благ на небесах разумеются сами собой и не являются объектами вожеления. Обитатели рая вкусно едят и сладко спят, не знают тревог и болезней, дышат чистым воздухом и пьют прозрачную воду и так далее, и так далее. Однако, главное, что отличает рай от земной юдоли – это абсолютное преобладание идеального над материальным. Вечная работа духа – вот наслаждение рая.

В чем состояла роль автора настоящей повести? Всего лишь в том, чтобы литературно обработать дошедшие до него записки бывшего раввина Гершеля – еще свежие, не пожелтевшие от времени, сложенные пополам листы. В конце последнего листа крылом ангела Михаэля, старшего над раем, было добавлено пожелание не держать под спудом содержание записок.

Автор не исключает возможность скепсиса в отношении реальности описанных событий. Нигилистам предлагается признать то бесспорное обстоятельство, что достоверность рассказа всегда несомненна. Простая эта истина подтверждается твердым литературным правилом презумпции правдивости. Другими словами, любая история является правдивой, покуда не доказано противоположное.

Достоин сочувствия книгочей, который примется за поиски несурязиц и станет трудиться над опровержениями. Ведь святые сочинения, послужившие отправным пунктом записок Гершеля, верны безусловно вследствие святости своего происхождения. Когда фундамент здания надежен, то и стены его – то есть наша история – не хуже!

Всяк, одолевший настоящую повесть и нацеленный на будущее пребывание в раю, попав на небеса, сможет легко встретиться с персонажами и из первых уст услышать подтверждение истинности рассказа. Более того, если в предварительной беседе с ангелом Михаэлем кандидат сообщит старшему над раем, что потратил несколько часов на прочтение сей повести, то это признание послужит ему доброй рекомендацией.

Новое начало

1

Раби Гершель сидит на пригорке в тени грушевого дерева. Озирается по сторонам и видит чудный сад вокруг, а за садом, зеленеет луг, а за ним, кажется, лес, а дальше что? “Придет время, и все узнаю!” – размышляет Гершель.

Раби прав – время придет. Не раньше, так позже, но обязательно придет. Сколько его впереди, времени? Раби улыбнулся – должно быть, подумал об этом. Приятно, что не надо спешить. Торопливость жизни осталась позади. Впереди новый отсчет, новое начало.

Тайну смерти людям не дано открыть. Смерть полагают величайшим злом, а не есть ли она великое добро? Вокруг нас она помрачает мир, гасит светила и светильники и воцаряет тьму. Но в сердце она привносит свет и тепло и открывает новые дали, живым неведомые.

Чтобы стать бессмертным – нужно умереть. Раби Гершель умер позавчера. Теперь он займет уготованное ему место в раю. При жизни Гершель очень надеялся, что путь свой после кончины продолжит на небесах. Все-таки он раввин, честный праведник. Жизнь его была безупречна настолько, насколько она может быть таковой в мире греха, когда тело привержено заповедям, а душа бежит соблазнов.

Правду говоря, надежда очутиться в раю была не единственным чувством раввина в отношении предмета его мечты. В неугомном сердце надежда уживалась с сомнением в существовании рая. Критичность ума не всегда благо, ибо порой лишает покоя. Сейчас раби благодарит Бога за снисхождение к глупому его недоверию, а себя отчасти порицает. “Я счастливо ошибался и счастливо прощен! – ликует Гершель, – да и велика ли вина моя перед Господом? Ведь сомнения порождены разумом, а его вложил в меня сам Создатель!”

Раби взволнован. Или душа его взволнована? Впрочем, тот, кого он являет сейчас – и есть его душа. Но и привычный облик тела тоже не исчез. В этом он еще разберется.

2

Тем временем раби Гершель встал с пригорка и повернул голову в сторону ворот, которые он недавно миновал. Величественное сооружение из темно-красного порфира напомнило ему восторг первых минут в раю.

Только вчера шестикрылый ангел принес его, легкого, как перо, к железной решетке, закрывающей пространство меж мощных каменных столбов. Над воротами кружились ангелы. Лица их были бесконечно приветны, радушны и милы. “Воистину ангельские лица!” – подумал Гершель. Некоторые из хранителей небесной благодати вдохновенно пели, другие извлекали нежные звуки из серебряных флейт. “Не узки ли ворота, пройду ли сквозь них? – встревожился Гершель и устыдился тотчас, – у входа в рай пора забыть суетность бытия!”

Стихли музыка и пение. Появился ангел Михаэль. Он назначен Богом старшим над раем. Встречать вновь прибывающих есть одна из его почетных обязанностей. Михаэль сердечно улыбнулся неопиту, взял его руки в свои и произнес: “С прибытием, тебя, Гершель! Отныне здесь, в раю, будет твой вечный дом!” Ласковый прием растрогал Гершеля. “Меня взяли на небеса без вступительных испытаний. Не зря жизнь прожита в праведности!” – мелькнула в голове новичка гордая мысль.

Михаэль повел Гершеля за собой. Раби легко миновал порфиновые ворота, недостаточная ширина которых вызывала у него опасения. “Для начала глубоко вдохни и взгляни вокруг!” – коротко воскликнул Михаэль. Повинуясь, Гершель набрал полную грудь воздуха и ощутил сладкий, пьянящий, неведомый ему доселе аромат – благоухание райского сада. Он посмотрел окрест и перевел полный восхищения взгляд на провожатого.

“Перед тобой, Гершель, четыре реки, – пояснил Михаэль, – первая течет молоком, вторая течет медом, третья течет вином, и четвертая – душистым маслом дерева афарсмон!” Конечно, из книг бывший раввин знал о райских реках, но роскошная палитра природы не чета серым листам фолиантов. “Вот здесь, под сенью этого навеса, сидя на этом резном стуле, ты будешь учить Тору. Бесконечная мудрость ее заполнит вечную твою жизнь!” – изрек старший над раем. “Вечная мудрость ее заполнит бесконечную мою жизнь!” – подумал в ответ раби.

“Вручаю тебе, Гершель, достойное сего места одеяние. Вдобавок получи маленькую золотую корону. По ободу ее вправлены драгоценные камушки, искусно ограненные. Венцом этим станешь украшать чело в часы учения. Тора у нас не в книгах, а в свитках – черные буквы на тонком пергаменте. Два ангела-помощника будут держать пред тобой свиток за рукоятки валиков. А сейчас возьми эти ветки мирта и погуляй по саду. Узри воочию известное тебе: дерево жизни и дерево знания. Ступай, Гершель, бессчетно будем видеться впредь!” – сказал Михаэль и удалился.

Раби обратил внимание, что ангел назвал корону маленькой, а камни – камушками. “Стало быть, есть атрибуты большего размера. Разнообразие или неравенство?” – родился вопрос в беспокойной голове.

Ангел Михаэль рассказывает

1

В первые дни, а то и годы на новом месте, воспоминания не отступают. Думы раби Гершеля не являли собою исключения. Он вспоминал себя юным знатоком Торы, приехавшим из Вильно в украинский город Божин и осевшим там. Один из учеников знаменитого виленского мудреца, он был отчаянным хасидоборцем. “Деяния легкомысленных хасидов есть профанация утонченной веры!” – с твердым упорством повторял Гершель. Однако, характер тверд у истинно мягких людей. И герой наш таков.

Знания и радение доставили пришельцу высокий пост раввина. Хасидоборец Гершель воспитывал прихожан в духе непримиримости к хасидскому энтузиазму невежественных божинских цадииков, которые тоже не сидели набрав в рот воды, а отвечали войной на войну. Оружием в боях были злое перо и острый язык. Доспехи эти телесных ран не причиняли, но однажды случилась беда.

Цадик Айзик, человек богатый, не чета Гершелю, и вовсе не невежественный, как впоследствии неохотно признал раввин, старался казаться простоватым, дабы сплотить вокруг себя побольше недружных с книгой бедняков. Цадик пришел к раввину заключать мир, а Гершель высокомерноничал и отправил гостя ни с чем. Так был сделан шаг к несчастью.

Когда умер великий виленский хасидоборец, возрадовались питомцы Айзика, мол, конец придет утеснениям, и устроили по сему случаю пир. Молодые ученики Гершеля не стерпели обиду и явились на несправедный хасидский праздник, и не перья и языки, а кулаки да палки искали правду. Пролилась кровь. Равно горевали раввин и цадик, и оба корили себя: “Вот, не уняли страстей!”

А еще вспоминает Гершель, как занемог. Айзик навещал его, жалел. В последние дни свои перед кончиной, лежа на смертном одре, раввин глядел туманными глазами на жену и детей, а за ними маячила седая борода Айзика. “А ведь он жив!” – привычно позавидовал Гершель. Раввин и на земле ревновал Айзика к успехам его: богат, всегда весел, сотни хасидов любят своего цадика... Потом исчезло все. А когда вновь свет засиял – так то была заря в раю. “Стыдись, ревнивец, не забывай, что пребываешь на небесах!” – строго одернул себя Гершель.

Усовестившись, Гершель подумал, как хорошо бы вновь встретиться с Айзиком. Да ведь это вполне возможно! Наверняка Айзик заслужил рай – как нескупой богач, как сеятель простой веры среди людей низкого звания, как праведник, наконец! “Однако, мое нетерпение встретиться с ним есть желание его скорейшей смерти! Это ли не грех? – ошарашенно подумал Гершель, – впрочем, это среди живых принято желать долгих лет жизни, а по существу – продолжения борьбы и мук. Пожелание смерти праведнику в раю трактуется как благословение, а не как проклятие, ибо, желая смерти, я желаю добра и награды!”

2

Ни один жилец рая не обделен ангельским вниманием, то есть вниманием ангелов. Конечно, существует иерархия среди этих небесных созданий, однако, и самые сановные из них не важничают. Они не пренебрегают даже легким трепетом в сердце праведника, в котором тот несет свою вечную награду. Так наказал им Всевышний.

Не удивительно поэтому, что главный распорядитель рая ангел Михаэль вновь явился к Гершелю и поведал ему поучительную историю.

“Бог наш бесконечно ценил праотца Авраама, – начал свой рассказ Михаэль, а Гершель весь обратился в слух, – и вот однажды призвал меня Господь и приказал спуститься на землю к Аврааму, взять его на небеса и показать ему сверху, чем живет земля. И еще велел мне выполнять любое пожелание авраамово.”

“Я спустился с неба на огненной колеснице херувимов, приземлился возле жилища Авраама – а он тогда еще был жив – и вместе с ним мы поднялись высоко-высоко и стали созерцать деяния людские.”

“И видит Авраам, как в чистом поле, вдали от жилья и от зорких честных глаз, сошлись чужие друг другу мужчина и женщина. И не случайно встретились, а с греховным умыслом в душе. Узрел праотец несправедное совокупление: женщина – мужняя жена, а мужчина – примерный семьянин во мнении людском. Авраам стыдливо отвел взгляд и вспылал гневом.”

“Покарай их огнем небесным!” – потребовал Авраам. “Я взял в совок горящие угли и швырнул вниз на грешные головы. Кричали и корчились в жарком пламени прелюбодеи, и бушевал огонь, пока не обратились тела в кучу пепла.”

“Колесница наша мчалась дальше. Вот заметил Авраам, что некий злоумышленник подобрался к стоящему на краю деревни дому зажиточного крестьянина и делает подкоп. Негодяй замыслил украсть трудом нажитое добро и, воспользовавшись отсутствием хозяина, пленить молодую его жену.”

“Да не восторжествует лихо! Пусть стая свирепых львов разорвет злоумышленника, а усердные шакалы обглодают остатки мяса к костей его!” – горячо воскликнул Авраам. “Я подумал, что и одного голодного волка довольно. Не прошло и минуты, и из ближайшего леса высунулась серая морда, и зверь с готовностью помчался исполнять нашу с Авраамом волю. Что не осилил сам, зажал в зубах и унес в нору волчице и волчатам.”

“Мчимся мы дальше и дальше. Вдруг увидел Авраам лесную поляну, костер в середине горит и дымит, а вокруг огня собралась лихая ватага разбойников – настоящие злодеи. Мечами и ножами вооружены. Рассуждают, как станут подстергать на дороге путников конных и пеших. Кто при деньгах – того грабить и убивать. А у кого пустой кошелек – того убивать без корысти.”

“Страшно вознегодовал праотец. “Несть числа мерзостям в мире, лишь сверху глядя сознаешь сие! Не должны негодяи эти попирать грудь бедной земли моей, пусть она поглотит их в чрево свое!” – вскричал рассерженный вконец Авраам. И с последним словом его разверзлась земля и вновь сомкнулась, и исчезли в темной бездне недостойные жить разбойники.”

“Тут услышал я повеление Бога доставить Авраама ко входу в рай и ад и исполнил приказ. Авраам увидал двое ворот – одни широкие, другие узкие. “Я жив, Михаэль, и слава Всевышнему! Но неизбежно пробьет мой час, и тогда вновь окажусь на судьбоносном этом месте. Я не могу и помыслить, что не рай станет сенью моей вечности. Но ведь я велик ростом и широк в

плечах, и пройдет ли в ворота крупное мое тело?” – забеспокоился праотец. “Бестелесна праведность, и узость ворот не помеха для награды за нее!” – сказал я Аврааму.”

“Михаэль, верни Авраама на землю, – услышал я новое повеление Господа, – он слишком строг к грешникам, и нет в нем жалости – надежды покаяния. Я сужу людей милосерднее. Жизнь сего праведника еще не окончена, он пооберет!”

“Колесница моя опустилась у дома Авраама. Он был мрачен. Смертные, пока живы, не могут слышать речь Всевышнего, но, как видно, Авраам по тени, пробежавшей по лику моему, угадал неодобрение Господа. Праотец схватил меня за руки и воскликнул: “Михаэль! Я погорячился. Давай вместе попросим у Бога, чтобы он вернул к жизни погубленных нами прелюбодеев, воров и убийц. А потом я стану молиться за их исправление!” И просьба наша была услышана, и люди спасены.”

Рассказавши эту историю, ангел Михаэль потрепал Гершеля по плечу, седечно распрощался с ним и удалился. Разумеется, ангельские намеки бывший раввин отлично понял. Иносказания оберегают и вразумляют. “Видно, он знает о моей былой несправедливости к Айзику, да и сомнения мои в ширине райских ворот не новость для него, – размышлял Гершель, – выходит, в раю нет тайн! Как жить на вершине гласности? Впрочем, я ведь и не живу. Или все-таки живу? Я не выбирал рай – рай выбрал меня. Экую чепуху, однако, ты несешь, дружок, – сказал сам себе Гершель, – угомонись и прекращай думать! Ум твой – враг твой!”

Вещи и идеи

1

Может показаться, что дни в раю текут медленно и однообразно: ведь главное и почти единственное занятие жителей небес – учение Торы. Однако, проникновение в мудрость Творца увлекательно и целиком захватывает воображение усердного праведника. Одержимость не в нашей власти, а увлечение редко сменяется меланхолией. Лишь досужий зубаскал станет настаивать на монотонности райского времени. Он либо никогда не бывал на небесах, либо ум его ограничен и неспособен, либо нечестивостью закрыл себе виды на рай и завидует.

С раннего утра и до позднего вечера, с короткими и досадными перерывами на трапезы, Гершель среди прочих достойных знатоков Торы занят учением. Праведники располагаются на стульях под сенью навесов.

О стульях следует сказать особо. Они не равны один другому. От рода праведности, коей заслужил человек пришествие в рай, зависит и род предназначенного ему сиденья. Скажем, стулья окованные серебром служат героям народа Израиля. Украшенные хрусталем скамьи со спинками подходят простым и честным людям, которым не пришлось в земной жизни много корпеть над Талмудом. На грубо сколоченных лавках сидят те, кто очутился в благостном этом месте за чужие заслуги. Таков Терах, родитель праотца Авраама. Праведность сына открыла путь в рай грешному батюшке. Отец ел кислый виноград, а сын вкушал от сладкой грозди. И у обоих сахарно во рту, и нет оскомины на зубах. Стул Гершеля резной, в подлокотники вправлены жемчужины. Этот род мебели предназначен для знатоков торы, жизнь которых была горька, как плоды оливковых деревьев, из стволов которых изготовлены их стулья.

Что касается райских благ, то они, во-первых, не зарабатываются, а распределяются. Это Гершелю очень понятно, ибо райский труд представляет собой учение Торы и поэтому является наслаждением. Еще при жизни раввин усвоил, что ни учением, ни наслаждением благ не заработать.

Во-вторых, распределение благ между обитателями рая отнюдь не равномерно. Критерии многообразны, и Гершелю еще предстоит их понять. Подобная неравномерность хотя и знакома Гершелю на примере потустороннего мира живых, однако он разочаровался неизбывностью неравенства. Разумеется, речь идет о благах духовных – о почете, скажем. Материальные же блага не есть райский атрибут, ибо они не согласуются с сутью небес.

В-третьих, по утверждению Михаэля, отсутствие равенства в распределении райских благ не порождает зависти, чуждой атмосфере рая.

В бытность раввином Гершель читал в книгах, что по субботам сам Господь Бог нисходит к праведникам в раю и разъясняет им особенно трудные для понимания фрагменты своего учения. В прошлой жизни Гершель не сомневался в возможности такого чуда, ибо с материнским молоком впитал трепетное отношение к книжному слову. Сейчас он уж не новичок на небесах, и хотя не удостоился пока внимать гласу и зреть лик Всевышнего, но хранит уверенность в сердце. Сомнения приходят после веры.

Гершель осознал, что простанство рая не просто огромно, оно неизмеримо, другим словом бесконечно. Оно и не может быть конечным, ибо созданное Богом время не имеет конца, а, значит, и человечество, населяющее это время и вечно обновляющееся в нем – тоже бесконечно. При этом никакое падение нравов на земле, вроде приумножения числа просвещенцев, хасидов или, не про нас с вами будь сказано, вероотступников не может отменить волю людей к праведности, а, значит, не пересохнет ручеек прибывающих в рай новобранцев. Но для размещения праведников на небесах требуется все новое и новое место, поэтому простанство рая не должно быть ограничено. Уразумев причинную связь бесконечности простанства с бесконечностью времени, Гершель восхитился изощренностью вселенской мудрости творения.

“Если необъятно место, и несть числа ищущих мудрости, – подумал Гершель, – то как же Бог по субботам станет беседовать с нами со всеми? Очередность неизбежна!” Последнее предположение показалось Гершелю логичным и умиротворило его беспокойную натуру.

Гершель уже имел случаи оценить величественность построек. Всего в раю семь домов для жилья. Гершель видел один из них, расположенный вблизи порфириковых ворот рая. Он имеет в длину двенадцать тысяч миль, и ширина его двенадцать тысяч миль. Никого не удивляют гигантские размеры здания. Стены украшены золотом и серебром, балки изготовлены из крепчайшего ливанского кедра, а крыша сверкает алмазами. В этом доме проживают праотцы Авраам, Ицхак и Яков. С ними поселились почти все древние цари Иудеи и Израиля. Там же обретаются герои, вышедшие на свободу из египетского рабства и скитавшиеся в пустыне. Старшие над этой храминой – Моше и Арон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.